

То, что сейчас вы прочитаете, неоднократно уже публиковалось за рубежом. Утверждают, что эти записи были сделаны на французском и даже зашифрованы, поэтому подлинность их утверждать никто не берется.

И все же, без сомнения, мысли эти созвучны настроениям поэта, его воззрениям. Поэтому мы и рискнули рассказать об этих довольно интересных записках.

Современники не должны знать меня настолько, насколько я позволяю дальним потомкам. ...Я не желаю уносить в могилу мои грехи, ошибки, терзания — слишком они велики, чтобы не стать частью моего памятника.

Н. была моей роковой удачей, которую я выторговал у ее матери, пожертвовав приданным и наделав долгов. После помолвки, ожидая день свадьбы, я придумывал, как я изменюсь и как изменится моя жизнь, когда я дам клятву верности, ибо я искренне намерен обладать ею?

Я обожал мою монашенку и шаг за шагом планировал превращение ее в искусную развратницу. Но моим планам не суждено было осуществиться, и, наверное, за это я люблю Н. по сей день.

Наш медовый месяц пролетел в сладостной учече: я учился языку, на котором говорит ее тело, а Н. училась откликаться не только на мой язык. Мое упорство и ее прилежание все чаще доводили Н. до восторженных стонов, звучащих для меня как музыка. Обладать идеальной красотой, которая вдобавок досталась мне девственной — это самое большое счастье, что выпадает на долю мужчины.

Я все время чувствовал, будто обманул природу: я, карлик с лицом обезьяны, обладаю богиней. И оценить, насколько я хорош в любви, она не может, потому что для этого нужно сравнение, упаси Бог.

В те первые дни мы договорились не утаивать даже самых сокровенных мыслей друг от друга. Я прекрасно понимал, что мне этот договор не выполнить, но я хотел воспитать в Н. чувство необходимости делиться со мной своими мыслями, желаниями. Главное, не гневиться, чтобы она мне не рассказывала. Иначе впрямь она будет бояться быть откровенной. Следуя сей заповеди, я изо всех сил крепился, чтобы не высказать бурю негодования или ревности.

Когда я был холост, ничто не обременяло меня, кроме желания счастья, безуспешное стремление к которому делало меня несчастным. Мне стало казаться, что женитьба на юной прекрасной девушке с добрым сердцем принесет мне желанный покой и волю, которые и есть счастье. Но, увы, жизнь дает либо покой, либо волю, и никогда вместе. Покой наступает при безропотном смирении, но тогда в нем нет места для воли.

Моя страсть к Н. не продлилась и двух месяцев. Я знал, что страсть быстротечна, но меня никогда не удручала так эта неизвестная истина, потому что впервые она была отнесена к моей жене.

По прошествию первого месяца на меня уже не нападала радостная дрожь предвкушения, когда Н. раздевалась пе-

редо мной. Через два месяца я уже изучил ее как любовницу и она больше ничем не удивляла меня.

Ее запахи не заставляли меня бросаться на нее как прежде — я перестал замечать их, будто они были мои...

Страсть удручающе короче любви. Именно потому люди клянутся в любви, а не в страсти. Вначале страсть так сильна, что для того, чтобы прибить ее, нужно кончать раз за разом, раз за разом. Постепенно она слабеет, вяло поднимает голову и довольно одного раза, чтобы надолго избавиться от нее. Остается любовь, которая добивает изнуренную страсть верностью. Брачное ложе — это колыбель страсти, которая превращается в ее могилу.

Молодежеская газета. - Бишкек. - 1991. - Газета. - с. 15

• Личный архив

ПУШКИН О ЛЮБВИ

Женщины в свете помогают меня тем лучше, чем большим успехом в свете пользуется моя жена. Им лестно отдавать мне, тщеславия, что я предпочел их такой безупречной красавице, каковой является Н. Они сами начинают считать себя красивее и неотразимее, чем они есть на самом деле.

Есть тайны души, которые человек уносит с собой в могилу. Но жизнь семейственная состоит из тайн двух душ, а значит, сохранять тайну труднее.

Без тайны нет семейственной жизни, но после того, как жизнь окончится, придет конец и тайне.

Я осознаю свои ошибки, но не исправляю. Это лишь подтверждает, что мы можем увидеть судьбу, но не в состоянии ее изменить. Сознание ошибок есть узнавание судьбы, а невозможность их исправить есть власть судьбы. Осознание ошибки — тяжелое наказание, ибо было бы много проще считать себя правым, винить во всем других и пытаться расправиться с ними, теша себя иллюзией победы над судьбой. Но мне и этого счастья не надо.

Сделав порочный шаг измены, я вступил на путь, который любой последующий шаг, будь он сам по себе даже и честным, превращал в бесчестный. Этот путь для меня — путь в пропасть. В силу моего темперамента я не умею остановиться и довожу все до крайности, а крайность на этом пути ведет к саморазрушению.

Есть глубокий смысл в том, чтобы пожертвовать жизнью ради единственного обладания красавицей и тем самым избежать наступления безразличия, столь оскорбительного для недавней страсти. Смерть — это самый надежный способ сохранить верность своей возлюбленной. Я теперь понимаю причину самоубийства Ромео. Он действовал по наитию, без понимания, но цель была та же — не изменить возлюбленной даже после ее смерти, что невозможно для молодого, красивого и живого тела.

Верность — это борьба с соблазном быть неверным. И мне не хватило сил в этой борьбе. Почувствовав, что потакание своей слабости ведет к беде, я стал уговаривать Н. уехать жить в де-

ревню. Я знал, что мне не устоять перед соблазном, а уединение держало бы меня у письменного стола. Когда же похоть возгоралась бы во мне, рядом была бы только Н. Дворяне девки не в счет.

Но она с ее вялым темпераментом, расшевелить который мне всегда стоило немалых усилий, находила сильнейшее наслаждение в кокетстве, абсолютно для нее безопасном, как уверяла она. Ее пьянит власть собственной красоты, которая ставит перед ней на колени самых могущественных мужчин в Петербурге, включая и государя. По своей благопристойности и доброте она не пользовалась красотой в корыстных целях, а лишь играла ею, как ребенок.

Впервые изменяя ей, я знал, что разрываю узы, восстановить которые невозможно. Я себя уговаривал, что с б... жене не изменеешь. Но в тот же момент я понимал, что нарушаю брачную клятву, что с этого дня моя жизнь с Н. изменится бесповоротно, даже если она ничего не узнает. Я твердил себе, что поэт не может жить без трепета, а в браке трепет — не жилец. Я должен был примириться с умиранием трепета, потому что таков закон. Бог не мешает нам познать его законы, но он карает нас за попытки их изменить. Мне нужно было поверить, я же вознамерился проверить, а это возможно, только преступая закон.

Преступив раз, я уже не мог остановиться. Н. сначала почувствовала, а потом узнала об этом, в том числе и от меня самого. Я же опять дорвался до разврата, и если его называть грязью, то ведь и мед, колы им намазаться с ног до головы, тоже можно назвать грязью. Но сладость его от этого не уменьшится.

Я заблуждался, думая, что могу вылепить из Н., что хочу. Нет, таланту научить нельзя, с ним нужно родиться. Точно так же нужно родиться для любви, а Н. рождена для кокетства. То, что я называю изощренностью, она называет развратом. Способность к любовным содроганиям — это еще не любовный талант. Талант в любви проявляется в желании настолько сильным и легко возбудимом, что брезгливость и стыд исчезают совершенно.

Половина моей жизни, связанная с поэзией, была безразлично отвергнута Н. Оставалась другая половина — любовь, в которой острота ощущений исчезла, а потому страсть уступила место нежности.

Я, гордившийся своей славой любовника не менее, чем славой поэтической, я в семейственной жизни не находил места для своего поприща. Н. тешила мое тщеславие своей красотой, добротой и невинностью. Но невинность постепенно превратилась в кокетство, доброта — в сентиментальность, а красота стала для меня привычной, и потому, незаметной. Только когда все восхищаются красотой Н., я испытываю гордость, которая, увы, все чаще превращается в ревность.

Подобрал и подготовил
В. ЯРЦЕВ.